

Турьшев Николай Владимирович

Turyshv Nikolay Vladimirovich

аспирант кафедры философии
Мордовского государственного
педагогического института имени М.Е. Евсевьева

PhD student,
Philosophy Department,
Mordovian State Pedagogical Institute

ОБЩЕСТВО РИСКА: ДИСКУРС ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

RISK SOCIETY: DISCOURSE OF SIGN SYSTEMS OF COMMUNICATION PROCESSES

Аннотация:

В статье рассматривается проблема информационной структуры коммуникационных процессов – информационная технология, которая характеризуется дискурсом знаковых систем. Дискурс – социально обусловленная организация знаковых систем, а также принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в те или иные периоды времени.

Ключевые слова:

дискурс, знаковые системы, информационная технология, технологические процессы, постмодернизм, информационные знаки, символический обмен, информационная структура, информационные текстуры.

Summary:

The article deals with the problem of the information structure of communication processes, i.e. information technology, which is characterized by the discourse of sign systems. Discourse is a socially related organization of sign systems, as well as the principles whereby reality is classified and represented in a certain period of time.

Keywords:

discourse, sign systems, information technology, technology processes, postmodernism, information signs, symbolic exchange, information structure, information textures.

Информационная структура коммуникационных процессов как информационная технология характеризуется дискурсом знаковых систем. Дискурс – социально обусловленная организация знаковых систем, а также принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в те или иные периоды времени. Одни из принципов определяют максимальную информацию как собственную избыточность в рамках: а) максимальной пропускной способности канала исходя из психофизического исследования его параметров; б) эффективной избыточности сообщений, что сводится к выборочному разрушению воспринимаемых символов до тех пор, пока не будут разрушены взаимные связи элементов сообщения. С такой пропускной способностью коммуникативных каналов связаны проблемы перевода: перевод как разновидность межъязыковой и межкультурной коммуникации, двуязычие, многоязычие и основы перевода, что такое перевод, адекватность перевода [1, с. 32–33].

Описанные принципы в полной мере применимы к сложной совокупности информационных знаков, образованных совместным действием («контрапунктом») частных составляющих. Они трансформируются в законы предельного восприятия, показывающие, что смысл содержания информации будет иметь большую избыточность, чем в случае, когда каждая совокупность знаков простая, изолированная. Установление схем взаимного подчинения совокупности информационных знаков подготавливает программирование моделей коммуникативного восприятия чувственных сообщений. Взаимное подчинение информативных знаков представлено категориальным аппаратом риторики в контексте теории коммуникации как науки об эффективном общении [2, с. 42–43]. Символический обмен в совокупности информационных знаков определяется принципом интерактивности, причем делается акцент на асимметрию знака. Если выражение и содержание не имеют ничего общего и их отождествление возможно лишь в пределах данного слова и обозначаемого им предмета, то такой знак является условным и называется «знак-маркер» [3, с. 58–59]. Анализ «по горизонтали» информации в этих концепциях построен на разделении различий оригинала и его отображения на основе сущностного разнообразия (потенциальной информации «информации в себе» и актуальной информации «информации для нее») [4, с. 34–35].

Огромное влияние на представление знака как маркера оказывают процессы трансформации информационного общества в начале XX в. План содержания и план выражения в постмодерне обозначены проблемой смысла в феноменологическом варианте, где во главу угла поставлена личность, осмысливающая мир, понимающая и делающая свой смысловой выбор. Информационное пространство постмодерна определяет информационные технологии как технологии «виртуальной реальности» в рамках постструктуралистско-постмодернистского подхода. Технологии «виртуальной реальности» обусловлены развитием современных информационных

технологий в специфических условиях культуры конца XX – начала XXI в. Данная концепция адекватно описывает специфические для современной науки черты социокультурной среды, в которой активизируются современные биотехнологии. Историческая ситуация, захватывающая современного человека, недоопределена. Ее нельзя представить в виде однозначного описания. Более адекватна специфике современной ситуации «квантовая логика», предполагающая многообразие дополнительных модельных описаний предмета и их последующее взаимоотношение. При этом дискурсы каждого описания тоже как бы удвоены. Они разворачиваются в двух различных планах. Один дискурс конституирует позицию вне ситуации, второй ведется изнутри ситуации, в результате чего последняя меняется.

В современной исторической ситуации и в науке, и в обществе в целом для понимания функционирования информационных технологий надо знать, что они себя как бы постоянно испытывают в попытках самоидентификации и тем самым постоянно изменяются. Для культурной ситуации необходимо хотя бы кратко охарактеризовать ее особенности. Согласно взгляду У. Бека, кочующая из публикации в публикацию приставка «пост» (постиндустриальный социум, постмодерн, постпросвещение и др.) предполагает собою «представление потерянности, запутавшейся в популярных действиях» [5, с. 17–20]. У. Бек, устанавливая «иррационалистическую атмосферу времени», руководствуется идеями представителей XIX в. Ученый объясняет нынешнюю обстановку не как итог исчерпания философии модерна, а, наоборот, как его радикализацию. В современных условиях вызревает, согласно формулировке У. Бека, иной модернизм, первоначальные проявления которого ранее возможно распознать в экономике, общественной текстуре и науке индустриально цивилизованных государств. Такой модернизм – «вершина» формирования общественно-политической, промышленной и академической инфраструктуры нынешнего капиталистического сообщества. При этом устрашающая и притягивающая иные «анти-модернистские настроения» в варианте антисциентизма «вершина» оценивает технологический прогресс, развитие общественных перемещений (общественно-политических, церковных и др.) – все без исключения данное «никак не входит в разногласие с модернистским и считается сформулированным из-за границы промышленным обществом» [6, с. 11–12]. Действительность усматривается У. Бекем в первую очередь как быстро формирующаяся в рамках общественно-финансовых институтов сообщества. Вызывает сомнение, в какой степени угроза специфична с позиции сегодняшней действительности. У. Бек формулирует задачу, обладающую единицей представления действительности в системе социальной значимости. В сегодняшних условиях научно-технический и академический прогресс представлен конгруэнтно с общественно-политической инфраструктурой сообщества и его финансовыми учреждениями. Угроза отслеживаемого, регулируемого второстепенного результата превращается в неистощимый ресурс.

В раскручивании общественно-финансовых концепций общества особую значимость приобретают организации и сообщества, обладающие, наряду с цивилизационными рисками, некоторыми правомочиями, диагностикой («органом восприятия»), а кроме того, специалистами, способными разрабатывать новые, более совершенные средства защиты от рисков. Здесь необходимо сознание особого рода – «располовиненное» на научное и обывательское. Отношение между этими половинами сознания не патерналистично, как это характерно для классической эпохи; оно складывается в обществе риска через механизмы рынка и представительской демократии. Подобная структура возникает как результат процесса, названного У. Бекем «рефлексивным онаучиванием общества» [7, с. 23–24]. Рефлексивное онаучивание есть своего рода диалектическое отрицание прежнего онаучивания всех сфер жизни общества, выведение его на уровень метасознания. Метасознание рассматривалось таким образом, что в рамках информационного общества предполагалось формирование некоторой области знания как области информационных знаков [8, р. 83–84].

В условиях иного модерна принцип академического методологического колебания переходит в саму академическую работу, академическая рациональность превращается в угрозу реальности. В рамках обычного онаучивания ученый-специалист в собственной сфере был самодостаточным в решении проблемы «что совершается?», «отчего?» и «что совершать?». В современных условиях выявляется очевидная неполноценность монодисциплинарного подхода. Цивилизованная угроза обнаруживается только в рамках междисциплинарного аспекта.

Позиция наблюдателя в современной системе познания оказалась загруженной предрасудками, увлечениями, отличительными чертами стиля, культуры и т. д. Действительность обретает человекообразный тип. Разъяснения постмодерна переключаются из области подлинных концепций в сферу гипотез. Эмпирика обретает неустойчивый, обусловливаемый многочисленными контекстуальными условиями характер. При отраженном онаучивании рост знания не уменьшает, а повышает угрозы, связанные с фактическим применением академических познаний. Требуется такая организация научного познания в изыскании частных, при которой экспертные возможности определяются фактическими условиями, окружающими выдвинутую идею. При этом возможность дать оценку угрозе сопутствует быстрому росту стоимости научного познания.

По мнению У. Бека, наметившийся еще в 60-х гг. XX в. упадок академической рациональности в онаучивании угрожает стать причиной ее абсолютного коллапса. Но реакционные усилия по возврату к эталонам минувшего столетия – обычного онаучивания не считаются правильными решениями в современной познавательной и социальной обстановке. Решением задачи актуализации научного познания может стать развитие самообучающейся рациональности, которая открыта восприятию погрешностей как обстоятельств академической работы и постоянного самоизменения. Для представления «иного модерна», согласно теории У. Бека, более подойдет обучающая концепция рациональности, в которой регулярно производится оценка неправильных операций и вероятных рисков.

Итак, новые направления в сфере информативных технологий, с одной стороны, доказывают базисные утверждения концепции У. Бека, с другой – вносят в нее значительные коррективы, приближают к осмыслению контекста в информативно-технологических процессах и способствуют реализации собственных идей. В информативных текстах радикализуется направленность информации, размывается черта между обществом и культурой, присущая предыдущему периоду «обычного онаучивания», идет процесс отделения людей от собственной идентификации.

Ссылки:

1. Алимов В.В. Теория перевода: Перевод в сфере профессиональной коммуникации. М., 2016. 160 с.
2. Москвин В.П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. М., 2015. 218 с.
3. Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Новое в лингвистике. М., 1965. Ч. 2. С. 57–67.
4. Бакаева Ж.Ю. Информационная доминанта как интегральный образ объект-субъектных отношений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Вып. 3. 2008. С. 33–38.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Rent O. *Mentalese and its semantics*. Oxford, 2010. 200 p.

References

- Alimov, VV 2016, *Translation theory: Translation in the field of professional communication*, Moscow, 160 p., (in Russian).
- Bakaeva, ZhYu 2008, 'Information dominant as an integral image of object-subject relations', *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*, Issue 3, pp. 33-38, (in Russian).
- Beck, W 2000, *Risk Society. On the way to another modernity*, Moscow, 384 p., (in Russian).
- Elmslev, L 1995, 'The method of structural analysis in linguistics', *Novoye v lingvistike*, Moscow, part 2, pp. 57-67, (in Russian).
- Moskvin, VP 2015, *Rhetoric and communication theory: Types, styles and tactics of speech communication*, Moscow, 218 p., (in Russian).
- Rent, O 2010, *Mentalese and its semantics*, Oxford, 200 p.